

Шульженко... Кажется, могла бы говорить о ней часами: почти тридцать лет моей жизни, тесно связанных с Клавдией Ивановной, встают передо мной. Но невольно теряешься: о близком человеке иногда труднее рассказывать, чем о том, кого и встречал-то всего несколько раз в жизни. Одно слово просится на язык — праздник. Знать Шульженко, работать с ней, участвовать в ее концертах, наконец, просто общаться с этой удивительной женщиной было действительно праздником, который и в поныне берегу в душе.

...Как будто совсем недавно это было. 1986 год. Я, начинающий композитор, почти девчонка, впервые дома у «самой Шульженко». Впервые вижу ее воочию, и — ноги подгибаются от страха, впечатление такое, что не смогу вымолвить ни слова. А мне ведь предстоит сейчас сесть за рояль: поэт Борис Брянский привел меня сюда как автора новой песни для Клавдии Ивановны. Да мне ноты не сыграть!

ная, то нежней, то темпераментней — от тенкам несть числа.

Объясняю я для себя такой эффект новизны еще и тем, что для Клавдии Ивановны не было и быть не могло «проходных» концертов. Всегда — полная самоотдача, всегда — предельное напряжение душевных сил, всегда — уважение к тем,

24 марта исполнилось бы 80 лет со дня рождения К. И. Шульженко.

Мы попросили известного композитора Тамару МАРКОВУ, чьи песни входили в репертуар певицы, поделиться своими воспоминаниями о встречах с Клавдией Ивановной.

вот как будто щелкнул невидимый выключатель, что-то зажглось во взгляде, Шульженко подхватывает негромко, пробует голос, «пристраивается» к музыке, увлекаясь все больше и больше, и мне кажется, она кружится в осенних листьях, уже вся оттуда — из песни, из бабьего лета... Дальше будут бесчисленные репетиции, отделка интонаций, пластики, уточнение нюансировки, но суть уже найдена, схвачена в эти несколько ночных часов знакомства с песней.

Тонкий это механизм включения в образ... Он действовал, видимо, интуитивно, ключ к нему мог быть разным. Как-то она позвонила мне: «Маркова, тут принесли замечательный текст. Называется «Одна». Нужна музыка». Я примчалась к ней, прочла стихи — о трудной доле женщины, чью любовь унесла война, — и загорелась. Буквально за несколько часов песня была готова. Чего только в ней не было! И страсть, и порыв, и темперамент — именно то, что надо, думала я. Особенно бурным был аккомпанемент. Клавдия Ивановна выслушала музыку молча. Когда я закончила, она вдруг взорвалась: «Ты песню пишешь или блины печешь? Ты хоть подумала, о чем стихи, что это значит — «одна»? А ты мне — ля-ля, ля-ля!»

Как это слово — «одна» — у нее прозвучало, какая боль, какое отчаяние мелькнули в глазах! Передо мной встала целая судьба, распотанная войной, с утраченным счастьем, с невозвратимыми потерями... Я поняла, что Шульженко уже проиграла для себя песню, прониклась ее драматизмом, уже приняла ее в душу — до того, как песня была написана. И когда она тихо добавила: «Это ведь и обо мне», — я вопросов не задавала. Правота ее была неоспоримой, и музыку я безропотно передергала, конечно, убрав бравурный аккомпанемент.

Чувство слова у Шульженко было поразительным. Она мгновенно и точно оценивала его «певческие» достоинства. Помню, как ее удивила строчка «А где мне взять такую песню...» Кто только не исполнил тогда эту популярную вещь — и ни один певец не заметил того, что сразу бросилось в глаза Клавдии Ивановне. «Песня не может начинаться с «А...», — тут же сказала она. — Должно быть так: «Где мне найти такую песню...» Тонкое ощущение стиха делало каждое слово, спе-

тое Шульженко, особенно весомым, залось; его можно взять в ладони, настолько оно было крепким, литым.

Слово проникало тебе прямо в сердце, ему не нужны были мощные стереоустановки, громогласного ВИА, пышные аксессуары, вроде световых и дымо-вых эффектов, или танцующих кордебалетных девочек; достаточно было рояля или небольшого камерного оркестра, в котором преобладали струнные. Клавдия Ивановна не боялась остаться один на один со слушателем, ведя с ним доверительный диалог, глаза в глаза. Даже в студии звукозаписи оставалось это впечатление непосредственного контакта, откровенной беседы — теперь уже с воображаемым залом.

...Идет запись моей песни «В небе звезды горячи», как обычно, с «живым» оркестром — работы под оркестровую фонограмму Клавдия Ивановна не любила. «Под фонограмму петь, — говорила она, — все равно как по проволоке идти, вот-вот свалишься». Наброшена на плечи шаль, с которой она всегда исполняла эту вещь, и начинается моноспектакль, такой же, как на сцене, как будто нет перед Шульженко пустого пространства, как будто на нее сейчас устремлены тысячи глаз. Она не просто поет (хотя для записи этого вполне достаточно), но в полную силу играет, сохраняя и пластический рисунок, и все богатство мимических оттенков.

Но что-то не ладится, известный дирижер все ускоряет и ускоряет темп, не считаясь с возражениями певицы, и наконец она не выдерживает. «Будьте добры, выйдите!» — это дирижеру и поворачивается к музыкантам: «Я буду, ребята, дирижировать!» Редко приходилось слышать, чтобы оркестр играл с таким подъемом, как в тот раз. Дубль получился первоклассный...

Искусство Шульженко — это большая школа, и не только для эстрадных исполнителей. Во время гастролей Клавдии Ивановны в Киеве был такой эпизод. Студентки консерватории, ученицы замечательного педагога М. Э. Донец-Тессейер, дружно отказались от билетов на концерты Шульженко — мы, мол, оперные вокалистки, очень нам нужен «низкий жанр», эстрада! Реакция их наставницы была для них полной неожиданностью. «Какая глупость!» — воскликнула она. — Вам всем учиться и учиться у Клавдии Ивановны, как петь, как фразу строить, не говоря уж о ее тонкой филировке, изумительном пиано, а главное — осмысленности исполнения. Я лично хожу на все ее концерты и вам советую».

Вот лишнее свидетельство тому, что проведение грани между «серьезной» классической музыкой и якобы «легкой» эстрадой — надуманно и искусственно. Прав был Д. Д. Шостакович, утверждавший, что существует лишь плохая и хорошая музыка, независимо от жанра. Есть высокая эстрада — без всяких скидок полнотенное, подлинное искусство. Слушая Шульженко, в этом невозможно было усомниться.

...сто приходит на ум Шульженко, мне ча-чававшие в исполнении Леонида Утесова. Помните: «И голоса колы не хватало, я пел ее (то есть песню) сердцем своим». Не-вольно подправлял себя знакомый текст: «она пела...» Голоса-то у Клавдии Ивановны всегда хватало, а вот вторая из этих строк всегда вызывает в моем воображении ее образ. Как это точно подхо-дит к ней! Пела сердцем — емкая формула, вбирающая в себя все то, что покоря-ло не одно поколение слушателей, все, что вызвало к Шульженко поистине все-народную любовь. Пела сердцем — по-моему, выше оценки для эстрадного ис-полнителя быть не может.

Записала
Галина ЧЕРМЕНСКАЯ.

ОНА ПЕЛА СЕРДЦЕМ

Тамара МАРКОВА

Но к инструменту меня с порога не приглашают. Хозяйка усаживает, начинает расспросы, притягивает в разговор, и вот понемногу я просто забываю, кто я и кто она, полнение отступает перед ее доброжелательным вниманием. Наконец, почти спойман, сажусь за рояль, играю, пою, и руки не дрожат, и даже голос вроде звучит свободно.

Все в ее доме располагало к доверительному, спокойному разговору. Здесь не было чопорной, «роскошной» парадности, какую, бываешь, встретишь у иных знаменитостей. Уютная маленькая квартира большой актрисы хранила атмосферу тепла и гостеприимства.

Все, что окружало Клавдию Ивановну, было красиво — вероятно, потому, что прежде всего красота сквозила в ней самой, в ее поведении, в ее отношении к жизни, к искусству. Это я почувствовала вскоре после нашего знакомства.

Шульженко позвала меня на свой концерт в Колонный зал Дома союзов и даже допустила в святая святых, в свою грим-уборную. Сколько раз впоследствии я наблюдала этот по-своему торжественный ритуал подготовки к выступлению! Мы пришли часа за два до начала. Не только в зале, но и за кулисами пусто и тихо. Незаменимый помощник Клавдии Ивановны, ее костюмер и друг Шура священнодействует, раскладывая и развешивая концертные туалеты, как всегда, безупречные, тщательно продуманные. На туалетный столик ложится белоснежная крахмальная салфетка, на ней в строгом порядке устанавливаются гримировальные принадлежности. Зажигаются лампы вокруг зеркала. Сосредоточенная, серьезная, Шульженко садится, вглядывается в свое отражение, берет в руки косметический карандаш и произносит свою обычную, но тогда еще мне непонятную фразу: «Ну вот, пошла электрокардиограмма». Шура шепотом комментирует: «Ты что, не видишь, как она волнуется?»

Это было открытием. Прославленная эстрадная певица, постигшая все премудрости мастерства, волнуется — и как! Руки ходуном ходят, дрожит даже носочек туфельки! Так будет до самого выхода на сцену, и только там, спев четыре-пять песен, Шульженко полностью овладеет собой, и все больше и больше захватывая власть над зрительным залом, ее голос обретет ликующую, радостную уверенность.

Я стою, затаив дыхание, за кулисами, в горле — комок от волнения, восхищения, благодарности за чудо, которое творится на моих глазах. Привыкнуть к этому чуду невозможно. В таком оцепенении я зам-рала всякий раз и во время гастрольных поездок с Клавдией Ивановной, где, казалось бы, все должно было приестся, потерять остроту от бесконечных повторений.

Помню, как и в Крыму, и в Прибалтике, и в Ленинграде каждый вечер я обещала себе: все, это последняя песня, вот до-слушаю и уйду переодеться — ведь в конце первого отделения мой выход, я аккомпанирую Шульженко. А ноги при-растают к полу, за «последней» песней сле-дует другая «последняя», и наконец поте-рявшая терпение Шура силой вытаскивает меня из-за кулис, ворча: «Не одета, не причисана, о чем думаешь, вот-вот на сцену идти».

Покорно иду в гримуборную, а мысли там, на эстраде, и обидно, что уже не услышу, как будет спет «Синий платочек» или «Вальс о вальсе». Потому что знаю: хотя бы и знакомые, они сегодня прозвучат не так, как раньше; стержень образа, интонационная канва, рисунок движений и жестов, разумеется, закреплены твердо, а песня все равно каждый раз неожиданная: то более печальная, то более озор-

кто пришел в зрительный зал ради нее и чьи ожидания она не имеет права обмануть. Наблюдая за Шульженко во время гастролей, из дня в день, я убеждалась: распусться, расслабится, выйти из формы она не позволит себе никогда. Мелочей тут для нее не существовало, каждая деталь должна была работать на тот образ, который создавался на эстраде. «Клавдия Ивановна! Ну зачем вы опять делаете маникюр? Кто из зрителей увидит, что лак чуть-чуть облупился?» — мое недоумение было вполне естественным. «Они не увидят, но я-то чувствую, что не все в порядке!» — сказала, как отрезала, Шульженко. Она готовилась к встрече с публикой, трудной, ответственной, но радостной, и мой вопрос звучал для нее по меньшей мере неуместно.

А в исполнении Шульженко — какое ред-

кое было понимание того, что она делает! Оно возникало у нее сразу — еще не выучен текст, не запомнилась до конца мелодия, еще она говорит мне: «Подожди, не спеши, я запленталась» — запленталась, значит, а точный образ песни уже возник, уже живет. Это редкое качество — начинать не со слов, не с музыки, а с образа.

Вспоминается один осенний вечер. Точней, уже ночь была, время за полночь, мы с мужем вышли погулять и видим: окно у Клавдии Ивановны светится, значит, не спит. А я только что закончила новую песню «Бабье лето» и знаю, чувствую: она как раз для Шульженко. Откуда во мне взялась решимость — не пойму, только я набралась духу, поднялась на третий этаж, позвонила в дверь: «Клавдия Ивановна, я принесла вам песню». Она смеется: «Кто, кроме Марковой, может за-явиться в час ночи? Ну, проходи!» Вни-мательно слушает, как я играю и пою, и

● 1942 год. Ленинградский фронтовой джаз-ансамбль. На переднем плане руководители: Клавдия Шульженко и Владимир Коралли.